

Обращение к читателю

Несколько лет назад я написала книгу «Есть, молиться, любить», в которой рассказала о путешествии по миру, предпринятом в одиночку после тяжелого развода. Пока я писала книгу, мне перевалило за тридцать пять, и всё, что с ней связано, означало для меня большой перелом как для писателя. До «Есть, молиться, любить» в литературных кругах меня знали (в тех узких кругах, где меня вообще знали) как женщину, которая пишет в основном о мужчинах и для мужчин. Много лет я работала журналисткой в таких мужских изданиях, как «GQ» и «Spin», и на их страницах исследовала мужскую природу со всех возможных углов. В центре внимания моих первых трех книг (как художественных, так и документальных) также были герои-супермачо: ковбои, рыбаки, зарабатывающие на ловле лобстера, охотники, дальnobойщики, водители грузовиков, лесорубы...

В ту пору мне часто говорили, что я пишу как мужчина. Правда, я не совсем понимаю, что значит «писать как мужчина», но, когда люди говорят такое, начинаешь думать, что они хотят сделать комплимент. Уж я-то точно воспринимала это как похвалу. Однажды для статьи в «GQ» я даже перевоплотилась на неделю в парня. Постриглась коротко, забинтовала грудь, сунула в штаны презерватив, набитый кормом для попугайчиков, и прилепила эспаньолку под нижнюю гу-

бу — а всё для того, чтобы хоть как-то прочувствовать и понять загадочную притягательность существования в виде мужчины.

Тут добавлю, что одержимость мужчинами распространялась и на мою личную жизнь. Иногда это было чревато осложнениями.

Нет — это *всегда* было чревато осложнениями.

Так уж вышло, что с неразберихой в романтических отношениях и помешанностью на карьере мужская тема настолько занимала меня, что мне совершенно некогда было задуматься на тему женственности. И уж точно я никогда не задумывалась о том, что я сама представляю как женщина. По этой причине, а также потому, что собственная персона никогда особенно меня не интересовала, я так и не успела узнать себя. И вот когда наконец в районе тридцати меня накрыло мощной волной депрессии, я ни понять не смогла, ни выразить, что же со мной происходит. Сначала подкосилось здоровье, потом развалился мой брак и в довершение всего — это было ужасное, страшное время — у меня поехала крыша. В этой ситуации мужская стойкость не могла служить мне утешением: ведь чтобы распутать эмоциональный клубок, требовалось прощупать его весь, по ниточке. Разведенная, одиночная, с разбитым сердцем, я бросила всё и уехала на год — путешествовать и узнавать себя. Я была намерена изучить себя столь же пристально, как некогда исследовала исчезающий вид — американского ковбоя.

А потом, поскольку я все-таки писательница, я написала об этом книгу.

Эта книга стала бестселлером, прогремевшим на весь мир — в жизни иногда случаются очень странные вещи, — а я, после десяти лет в роли исключительно мужского автора, который пишет о мужчинах и мужественности, вдруг превратилась в «писательницу женских романов». Правда, мне сложно понять, что это за «женские романы» такие, однако я более чем уверена: такие слова люди никогда не произносят как комплимент.

Как бы то ни было, меня теперь всё время спрашивают: надеялась ли я на такой успех? Всем хочется знать, подозревала ли я, когда писала «Есть, молиться, любить», что книга станет хитом. Ответ — нет. Никак не думала и уж точно не планировала, что книга вызовет столь бурную реакцию. Когда я писала ее, то вообще надеялась, что мои читатели простят меня, что пишу мемуары. Читателей у меня было раз-два и обчелся. Правда, они были преданные, и им всегда нравилась крутая девица, пишущая крутые рассказы о крутых мужиках, которые совершают всякие крутые мужские поступки. А тут — довольно эмоциональный рассказ от первого лица: разведенная женщина отправляется на поиски психического и духовного равновесия. Оставалось уповать, что они отнесутся ко мне со снисхождением и поймут, что я должна была написать эту книгу по личным причинам, — а потом можно будет сделать вид, что ничего не было, и жить дальше.

Но все получилось не так.

(И кстати, на всякий случай: книга, которую вы держите в руках, — это *не* крутой рассказ о крутых мужи-

ках, которые совершают кругые мужские поступки. Я вас предупредила!)

Другой вопрос, который постоянно задают мне с некоторых пор: как изменилась моя жизнь после выхода «Есть, молиться, любить»? На него трудно ответить, потому что масштаб этих изменений поистине космический. Для сравнения приведу пример из моего детства: когда я была маленькая, родители как-то отвели меня в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке. Мы стояли в Зале океанов. Папа показал на потолок, где над нашими головами висел муляж большого голубого кита в натуральную величину. Папа хотел удивить меня размерами исполинского животного, но я кита в упор не видела. Стояла прямо под ним и смотрела прямо на него, но была не в силах воспринять кита целиком. Моя голова была не способна осознать, что может быть нечто столь большое. Я видела лишь голубой потолок и изумление на лицах людей вокруг (наверное, тут происходит что-то интересное, думала я) — но вот самого кита увидеть не могла.

Вот какие чувства у меня иногда вызывает «Есть, молиться, любить». На определенной точке траектории взлета этой книги я просто перестала воспринимать масштаб происходящего, поэтому бросила попытки и переключилась на другие вещи. Сажала овощи на грядке, к примеру. Нет лучшего способа осознать относительность всего во Вселенной, чем сбор слизняков с помидорных кустов.

Но при этом для меня оставалось загадкой: как после феномена «Есть, молиться, любить» я вообще смо-

ту писать, не оглядываясь на эту книгу? Не хочу притворяться, что ностальгирую по тем временам, когда прозябала в неизвестности, но раньше я всегда писала книги, подразумевая, что их прочтет всего лишь горстка людей. По большей части это меня, конечно, удручало. Но было в этом и одно критическое преимущество: ведь если бы я опозорилась по полной программе, не так уж много народа это бы увидело. Как бы то ни было, передо мной теперь стояла почти научная дилемма: вдруг у меня появились миллионы читателей, которые ждут следующую книгу? Как написать книгу, которая понравилась бы миллионам? Мне не хотелось нагло повторствовать общему настроению, но не хотелось и враз отметить всех моих замечательных и увлеченных читателей, большинство из которых были женщинами, — после того, что нам пришлось пережить вместе.

Я не была уверена, что делать, но писать всё равно начала. За год я написала черновой вариант книги, пятьсот страниц, но, поставив точку, поняла, что что-то не так. Голос героини не был похож на мой. Он вообще не был похож на голос. Это были какие-то исказенные слова, выкрикнутые в мегафон. Я отложила рукопись, чтобы никогда больше к ней не возвращаться, и снова отправилась в своей огород — копать, подвязывать и думать.

Хочу для ясности заметить: это был *не кризис* — тот период, когда я никак не могла понять, как же мне теперь писать (или, в моем случае, как писать, чтобы это получалось само собой). В моей жизни все было пре-

красно, я была очень благодарна за душевное спокойствие и профессиональный успех и вовсе не собиралась всё портить, превращая эту задачку в катастрофу. Но задачка была еще та. Я даже начала подумывать, что, возможно, моя писательская песенка спета. Такая судьба не казалась мне концом света — если ей суждено было стать моей судьбой, конечно, — но я пока не знала, так это или нет. Могу лишь сказать, что мне предстояло провести еще много часов на грядке с помидорами, прежде чем я разобралась, что к чему.

В конце концов с определенной долей удовлетворения для себя я признала, что не смогла бы — и *не смогу* — написать книгу, которая понравилась бы миллионам читателей. По крайней мере, не смогу написать ее намеренно. Нет, я не знаю, как написать всеми любимый бестселлер на заказ. Если бы знала, как это делается, уверяю вас, сделала бы это давно, и жизнь моя стала бы легче и комфортнее еще много лет назад. Но так схема не работает — во всяком случае, с такими писателями, как я. Мы пишем только те книги, которые должны или способны написать, а потом отпускаем их на свободу, сознавая, что всё дальнейшее, что с ними произойдет, от нас уже не зависит.

Итак, по многочисленным личным причинам та книга, которую я *должна* была написать, и есть эта самая книга. Еще одни мемуары (с дополнительными социоисторическими вставками!) о том, как я пыталась примириться со сложным институтом брака. На счет темы я никогда и не сомневалась: просто мне сложно было найти свой голос. Рано или поздно я об-

наружила, что единственный способ начать писать снова — строго ограничить (по крайней мере, в воображении) число читателей, для которых я пишу. И вот я начала с самого начала. Этот вариант «Матrimonium» я писала не для миллионов, а для двадцати семи читателей. Если поконкретнее, то вот их имена: Мод, Кэрол, Кэтрин, Энн, Дарси, Дебора, Сюзан, Софи, Кри, Кэт, Эбби, Линда, Бернадетт, Джен, Джана, Шерил, Райя, Айва, Эрика, Нишель, Сэнди, Анна, Патриция, Тара, Лора, Сара и Маргарет.

Эти двадцать семь женщин — мой маленький, но очень важный круг близких подруг, родственниц, соседок. Им от двадцати до девяноста пяти лет. Одна из них — моя бабушка, еще одна — падчерица. Одна — моя самая старая подруга, а еще одна — самая новая. Еще одна недавно вышла замуж, две других (а может, и больше) хотят замуж больше всего на свете, а еще две недавно вышли замуж по второму разу. Есть одна, которая очень рада, что вообще никогда не была замужем. Есть и такая, для которой недавно закончились отношения — длиной почти в десять лет — с другой женщиной. Семь из них — матери, две (в момент написания) ждут ребенка, остальные по разным причинам не имеют детей и испытывают на этот счет совершенно разные эмоции. Кто-то из этих женщин занимается домашним хозяйством, а кто-то — карьерой; имеются и такие, честь им и хвала, кому удается совмещать работу и семью. Большинство из них белые, но присутствуют и чернокожие, две родились на Ближнем Востоке, одна — скандинавка, две из Австра-

лии, одна из Южной Америки и одна из каджунов*. Три глубоко религиозны, пять совершенно не интересуются вопросами религии, большинство еще не определились с духовнымиисканиями, а некоторые с годами выработали собственную систему отношений с Богом. У всех этих женщин чувство юмора на порядок выше среднего. Все в тот или иной момент жизни пережили тяжелую утрату.

В течение многих лет я сидела с этими милейшими людьми за многочисленными стаканами вина и чая и вслух размышляла о браке, интимности, сексуальности, разводах, верности, семье, ответственности и свободе. Моя книга родилась из этих разговоров. Когда я складывала на страницах разрозненные кусочки, то ловила себя на том, что в буквальном смысле беседую — вслух! — со своими подругами, родственницами, соседками и отвечаю на вопросы, порой заданные несколько десятков лет назад, а также задаю новые, свои. Эта книга никогда не появилась бы без этих двадцати семи удивительных женщин, и я безгранично благодарна им за то, что они есть. Одним своим присутствием они учат меня мудрости и утешают в трудную минуту.

Элизабет Гилберт
Нью-Джерси, 2009

* Потомки акадийцев, колонистов из поселения Акадия во французской Канаде, которые в XVIII веке были сосланы англичанами в разные колонии американского Юга. Часть из них собралась во французской Луизиане. Говорят на акадийском диалекте французского языка — каджуне. — Здесь и далее примеч. пер. (кроме указанной авторской сноски).

Глава 1

Замужество и сюрпризы

Брак — это дружба, признанная государством.

Роберт Льюис Стивенсон

Однажды вечером, летом 2006 года, в маленькой деревушке в Северном Вьетнаме, я сидела у почерневшего очага на кухне в компании местных женщин, чьего языка не знала, и пыталась расспросить их о замужестве.

К тому времени я уже несколько месяцев путешествовала по Юго-Восточной Азии с человеком, которому вскоре суждено было стать моим мужем. По общепринятым меркам, наверное, следовало бы называть его женихом, но это слово смущало нас обоих, и потому мы его не использовали. А вообще говоря, нас обоих смущала и сама идея брака. Мы никогда не планировали жениться и не хотели этого. Но в

планы вмешалось провидение, и именно поэтому мы теперь как неприкаянные блуждали по Вьетнаму, Таиланду, Лаосу, Камбодже и Индонезии, одновременно предпринимая срочные и даже отчаянные попытки вернуться в Америку и пожениться.

Мужчина, о котором идет речь, уже два года был для меня любимым, драгоценным человеком, и на этих страницах я буду звать его Фелипе. Фелипе — добрый и заботливый джентльмен из Бразилии на семнадцать лет меня старше; с ним я познакомилась во время другого путешествия (оно было запланировано), предпринятоего мной за несколько лет до этого в попытке залатать вдребезги разбитое сердце. К концу своих скитаний я его и встретила. К тому времени он уже много лет жил на Бали, мирно и в одиночестве, также пытаясь залатать свое разбитое сердце. За встречей последовала привязанность, затем — неспешные ухаживания и, к обоюдному нашему изумлению, любовь.

Наше нежелание вступать в брак было вызвано во все не отсутствием любви. Как раз наоборот: мы с Фелипе были безумно влюблены. Мы с радостью надавали друг другу всяческих обещаний вечно быть вместе. Даже поклялись до конца жизни хранить друг другу верность, хоть эта клятва и не была публичной. Проблема состояла в том, что мы оба пережили ужасный развод, и этот опыт до такой степени измучил нас, что сама мысль о законном браке с кем угодно, даже с такими милыми людьми, как мы сами, наполняла нас гнетущим страхом.

Развод, как правило, дело неприятное (Ребекка Уэст* писала, что «разводиться так же весело и целесообразно, как бить ценный фарфор»), и наши не были исключением. По большой космической десятибалльной шкале Ужасных Разводов (где 1 — дружеское расставание, а 10 — ни много ни мало, смертоубийство) я бы оценила свой на семь баллов с половиной. Ни к самоубийствам, ни к убийствам он не привел, но, не считая этого, грызня была самой отвратительной из тех, на какую только способны двое хорошо воспитанных людей. И длилось это более двух лет.

Что касается Фелипе, его первый брак (с умной, образованной австралийкой) закончился почти за десять лет до того, как мы познакомились на Бали. Сам развод прошел довольно спокойно, но расставание с супругой (а также домом, детьми и почти двадцатилетней историей совместной жизни) оставило на этом добром человеке глубокую печать утраты с отчетливым привкусом сожаления, одиночества и тревог о финансовом благополучии.

Словом, наш опыт принес нам одни только неприятности, финансовый урон и внушил крепкое подозрение к так называемым прелестям законного брачного союза. Мы с Фелипе на собственной шкуре познали неприглядную правду: любой опыт близких отношений где-то под первоначально милой наружностью скрывает потенциальную возможность обернуться полной катастрофой — как змея, свернувшаяся

* Уэст, Ребекка (1892—1983) — английская писательница, журналист, литературный критик, автор книг о путешествиях.